

ОЛЕГ БОЧЕНИН

ОРЁЛ В КУРЯТНИКЕ

Олег Боченин
Орёл в курятнике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917139

ISBN 9785448546792

Аннотация

Автор приоткрывает театральный занавес и вводит читателя в Закулисье, где живут волшебники, драконы и добрые феи, где любят и ненавидят, где зло и добро вместе создают чудо.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	47
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Орёл в курятнике

Олег Боченин

Редактор Маргарита Брикс

© Олег Боченин, 2017

ISBN 978-5-4485-4679-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Школьная линейка. Подведение итогов полугодия. Мероприятие долгое. Ученики с тоской поглядывают на окна, за которыми падает снег – там снежки, снежные бабы, горки и крепости! А тут эта... В спортивном зале, душно. Завуч копается в папках, разложенных на столе, что-то выискивая. Директриса, чувствуя всеобщее утомление, недовольно взирает на худенькую коллегу с высоты своего баскетбольного роста и начальственного положения. Пауза затягивается.

– Вот! – радостно взвизгивает худышка, всовывая в руки начальницы грамоту.

Директриса закатывает глаза – слава тебе, господи, если ты есть!

– Награждается ученица третьего класса «А» Наталья Сечкина за первое место в школьном конкурсе по живописи! – торжественно оглашает вердикт директриса.

Пауза. Никакого движения.

– Иди! – подтолкнула подругу в спину Вера. – Тебя вызывают!

– Зачем меня? – брезгливо повела плечиком Наташа, пребывая в полудрёме. – Я ничего такого не сделала...

– Да, иди же! – Вера буквально вытолкнула подругу из строя.

Наташа попыталась вернуться обратно в ряды пионеров,

они принялись толкать её в сторону директрисы, недоумённо взиравшей на эту возню. Сечкина растерялась и разревелась. Конфуз.

Домой Наташа летела, окрылённая своим первым жизненным успехом. Она со смехом рассказывала за семейным ужином историю своего награждения, потом похвасталась:

– А ещё Виталик меня пригласил в свой кукольный театр...

Так и пошло. Виталик Рукавишников, старше Наташи на год, создал при школе театр теней, Наташа с ним; настоящий, с актёрами, Наташа тоже с ним. Вместе разрабатывали оформление спектаклей, придумывали всякие хитрости, чтобы при минимуме средств вышло максимум возможного. Сдружились так, что Виталик порой оставался ночевать в доме Сечкиных.

Отец, Ефим Родионович, ничего против занятий дочери искусством не имел ни тогда, когда она была совсем девочкой, ни когда она оформилась в красивую стройную девушку. Рассудил он по-своему правильно. Лучше пусть водится с мальчиком из хорошей семьи, чем достанется какому-нибудь юному озабоченному самцу, одному из тех, что сбиваясь в банды, «наводили шорох» по поселению. Репутацию приличной девушки соблюсти – первое дело. А Виталик, сын военного лётчика, старому рыбаку нравился – умный, добрый, воспитанный. Да и к старшим уважительный. И то, что в старших классах Виталик и Наташа не выказыва-

ли друг к другу никакого иного интереса кроме творческого, Ефиму Родионовичу тоже нравилось.

То, что другой интерес был, Наташа поняла, когда Виталий уехал в столицу, где поступил в ГИТИС, в котором преподавала его бабушка. Рукавишников в июне сдавал выпускные экзамены, Наташа проходила трудовую практику на рыбозаводе. Они совсем не виделись. Утром, после выпускного Виталика, в Москву улетал транспортный самолёт с командованием округа, и Рукавишников пристроил сына в эту компанию. Виталик с Наташей даже проститься толком не сумели. Узнав от одноклассников Рукавишникова, что тот улетел, Наташа почувствовала, как сердечко её вспыхнуло острой болью, доселе неизведанной.

Виталик ей написал. Она ему ответила. Их переписка стала темой поселковых сплетен. Виталик был парнем авторитетным среди местных, и на Наташу никто из потенциальных женихов в открытую не покушался, но тайком у Верки допытывали, чего там у Рукавишникова с Сечкиной. В конце концов Верке, девушке невзрачной внешне, но приятной изнутри, стало за подругу обидно.

– Ну и чего там твой Виталик? – пристала она к Наташе перед новогодними праздниками.

– Чего это он мой? – фыркнула Сечкина.

– Так и я о том же, – вздохнула Вера и пожала плечами. – Определяться ему пора с тобой, а то местные могут подумать всякое про тебя... Ты бы ради приличия дружила с кем-

нибудь. А то все думают, что у вас такая любовь, такая любовь...

– Ну и пусть думают! – огрызнулась Наташа.

И всё же Вера была права. Кому нужна жена с неразделённой в прошлом любовью? Нет, не проявлял Виталик никогда к Наташе Сечкиной тех чувств, которые можно было бы назвать любовью. И чего она страдает? Виталик как-то ещё в школе помечтал, что было бы хорошо вот так с Наташей и проработать вместе: он – режиссёр, она – художница. Но раз сказал, да позже никогда к этой теме не возвращался.

Видела себя Наташа в будущем на месте любимой учительницы по рисованию – далековато от театра. Но всё же решила расставить точки над «i» – написала Виталику, а в письме намекнула на тот давний разговор, мол, не попало ли у него ещё желание с Наташей работать? А Виталик в ответ – был бы только рад. И выслал справку о художественных училищах Москвы.

За дочь всё решил папа. Побоялся Ефим Родионович отпускать юную девицу в большой город. Пусть окончит профессионально-техническое училище в Бухте Анна под родительским надзором, а там видно будет. В Бухте Анна жили старшие братья Сечкины, да и до Порт-Стрелка было всего сорок минут езды.

– Чего я буду время тратить на всякую ерунду? – возмутилась Наташа.

– Ничего себе ерунда! – опешил отец. – Ты чего это та-

кое несёшь? Кто его знает, как у тебя жизнь сложится, а нормальная профессия никогда помехой не будет.

– А художник, по-твоему, не нормальная профессия? – округлила глазища дочь.

– Никакая, – поморщился Ефим Родионович. – Я такой профессии знать не знаю. Наткнёшься где в журнале на ихнюю мазню, так рука сама к дырну тянется, чтобы мозги тому художнику на место вправить!

– Творец имеет право на самовыражение, – парировала Наташа, нахватавшаяся от начитанного Виталика.

– Главное самовыражение человека – его семья. Чтобы на смертном одре вокруг тебя не было пусто! А от такого самовыраженца только пустота и останется, и не будет ему никакой пользы от его мазни. И завоешь от безысходности, а уже всё – приплыли! Ничего взад не воротишь.

Убийственный аргумент.

Нет, Наташа конечно Виталику в очередном к нему послании все доводы привела – и свои, и отцовские. А Виталик в ответ: «Вам виднее». В этой фразе Наташа обнаружила полное безразличие к себе и обиделась. Они продолжали переписку, но делали это всё реже. Верка, почувствовав перемену в настроении подруги, принялась за старое:

– Мишка по тебе сохнет...

– Не усохнет...

– Вовка – вот тоже глаз на тебя положил. Что ты как ненормальная?

– Вот, сначала, стану художницей, – объясняла Наташа подруге, пытавшейся вовлечь её в амурные игрища, – полюбит меня кто, предложит выйти за него замуж, я ему условие и поставлю, мол, взял меня художницей, так и жить будешь с художницей, а не с домохозяйкой. А будет артачиться, так я ему гарбуза в руки и от ворот поворот!

Ну, так всё, трёп девчачий. А учиться, как и хотел отец, Наташа пошла в ПТУ, на продавца. Образование было полугодовым: полгода учёбы и год практики. Ефим Родионович знал, что делал. Природа стала брать своё, Наташа начала всерьёз задумываться о замужестве в принципе. Образ Виталика и надежды на его чувства стали тускнеть. Тут-то в срочный отпуск и прибыл Андрей Коноплёв – красавец краснофлотец. Ему оставалось служить ещё год.

Андрей был старше Наташи на пять лет. Когда он уехал на учёбу в морское училище, школьница Сечкина ничего из себя не представляла. Встретив же её в магазине сельпо, Коноплёв от досады аж выругался, мол, как это я проглядел. На попытку сблизиться Наташа ему ответила:

– Вы служите, товарищ? Вот идите и служите! Вернётесь, там видно будет...

– Я писать буду! – страстно пообещал моряк.

Наташа тогда демонстративно ушла в подсобное помещение. А Коноплёву хватило ума не наседать. Он стал писать Наташе. Она ему не отвечала. Писал и Рукавишников.

Уже после того, как Сечкина получила аттестат об окончании ПТУ, Виталик снова поднял тему московского училища. «А Ефима Родионовича я уговорю и тут за тобой присмотрю», – пообещал Наташе. Зачем обещал?

– Не будь душой! – наставляла подругу Верка. – Поматросит и бросит! Заделает тебе ляльку и кончится твоё художество...

Веру так воспитали – видеть всё как есть, без розовых очков. А Наташа всё равно воодушевилась, начала тайно готовиться к поездке в Москву. Виталику она верила.

Всё кончилось разом. Летом Рукавишников ненадолго появился у родителей, но все три дня пил с друзьями, с Наташей встретиться так и не удосужился. Это было больше, чем предательство. Она ничего не понимала. И ещё ей было больно, так больно, что на кисти и краски она и смотреть не могла, словно они являлись продолжением её мечты о Виталике и без него вовсе оказались не нужны. Как отрезало, враз. Прошла любовь, убив желание творить.

Каким-то шестым чувством Наташа понимала, что в мире искусства ей нужен проводник, что одна она в этом море утонет, захлебнётся в первой же набежавшей волне. Другого Виталика не было и на горизонте не просматривалось. Нужно было определяться по жизни. А Андрей – вот он...

Андрей Коноплёв был парнем весёлым, симпатичным, как вернулся осенью, отслужив, так сразу начал ухаживать

за Наташей – с осторожностью, не навязывая себя. И дом ему уже родственники построили, готовя к семейной жизни. А Наташа Андрея с такой же осторожностью заметила. От Виталика не было ни ответа, ни привета.

Андрею сразу доверили рыболовецкую шхуну с экипажем в семь человек. Не ахти какое судно, но капитан – это престижно. Как говорится, в чистом поле и бугор – гора. Среди потенциальных мужей Коноплёв был номер один, девки по нему вздыхали. Наташа же на эти вздохи реагировала так: если столько поклонниц, значит парень хороший; все же не могут ошибаться. Но не спешила.

Как-то отец не выдержал: «Ты честь-то свою девичью блюди!»

– Ты, пап, это чего?! – возмутилась дочь. – Белены объелся?!

– Как это чего? Уже два месяца с этим Коноплёвым, а эффект нулевой! Не порядок! Или уже женитесь, или разбегайтесь, а то сраму на весь посёлок!

В сёлах не принято было тянуть резину с любовью. Народ простой, писателями-романтиками неиспорченный. Алгоритм действия отработан веками: свидание, второе свидание с поцелуями, третье свидание с обнимашками, четвёртое свидание с совращением. Как до последнего пункта доходит, то либо свадьба, либо конец фильма. Два месяца отношений вызывало вопрос: чего они там делают?

Отца Наташа обожала и доверяла ему больше, чем себе.

– Пап, как ты думаешь, он будет хорошим мужем? – спросила после некоторого раздумья.

– Ежели любит, да ежели тебе бабьей мудрости хватит... – ответил Ефим Родионович. – Эх, дочка, со свадьбы всё только начинается.

Наташа решилась. И уже через полгода пожалела, что вышла замуж за Коноплёва. Пожалела, но куда деваться? Медовый месяц у Коноплёвых получился скомканным, началась путина. Андрей приводил свою шхуну, разгружался в порту, проводил с молодой женой ночь, а поутру снова уходил на трое суток, а то и более. Беременной Наташе любовные забавы стали не в радость, было больно. Терпели оба, первым не выдержал Андрей, принял гримасу боли на лице жены за неприязнь. Он ушёл на кухню и долго не возвращался на супружеское ложе. Наташа пошла за ним.

– Я что тебе, противен? Не рановато ли? – злая обида выплеснулась на неё, неповинную.

Наташа растерялась, не понимая.

– Прекрати этот бред немедленно! – потребовала.

– Что?! Ты мне, своему мужу, будешь тут указывать?! – взбесился Коноплёв.

И не сильно-то толкнул... Наташа, падая, ударилась низом живота об угол стола. Расплакалась. Коноплёв выскочил во двор, сидел на лавочке у крыльца, насупившись. Надо сказать, Наташа за всё время замужества ни разу не призналась

мужу в своей любви к нему. Стеснялась. Любила глазами, улыбкой, руками, телом, но губы отказывались произнести это заветное «люблю».

Пару недель дулись, косились друг на дружку, потом помирились. И казалось, что обошлось. А Петя родился с дефицитом веса. Развивался плохо.

...Почему-то Андрей, едва взглянув на новорождённого, сразу решил, что сын – не жилец. И тут же потерял к нему весь свой интерес. Младенец был синюшным, сморщенным, страшненьким, косоглазым. В те годы косоглазие не лечили... Возвращаясь домой с моря, Коноплёв вместо «здрассьте» спрашивал: «Не помер ещё?»

– Как так можно? – возмущалась Наташа. – Он же сын твой.

– Может и мой, а может от святого духа... Выживет, там поглядим, что за неведому зверушку ты мне принесла. А сейчас какой смысл душу свою выматывать?

Петька выжил, но часто болел. Во время своего недомогания он капризничал, плакал, мешая отцу выспаться ночью. Мальчик инстинктивно тянулся к матери, звал её, когда был на руках отца, рвался прочь. Андрей нервничал, не понимая, почему родному сыну немил. Как-то Наташа ушла за хлебом. Вернувшись, она застала своих мужчин в истерике: Петька орал в кроватке, муж орал на него.

– Заткни его! – потребовал Андрей.

– Он – не радио! – огрызнулась мать.

Так и огрызалась, защищая кровинушку, но хотела, конечно, чтобы Андрей хоть как-то к сыну привязался. У того иногда, редка правда, какие-то отцовские чувства проявлялись, но чаще он Петьку от себя отфутболивал: «Отстань, видишь, не до тебя! Устал...» Не интересно ему было с мальчишкой, говорить тот начал поздно, да и потом всё как-то несуразно, невпопад.

Но хоть не помер. А вот отношения молодых Коноплёвых дышали на ладан...

– Погоди чуток, вот подрастёт Петюнчик малость, появится у них с отцом общий интерес, так и подружатся, – успокаивал дочь Сечкин-отец. – Ты мужа держись! Потерпи. По молодости всегда трудно обоим. Такова она жизнь. Тут ничего не изменишь.

Не привыкла Наташа к грубости. Отец Ефим Родионович на мать никогда не кричал, с детьми был строг, но справедлив и терпелив. Время было уже не домостроевское. Женщины и книжки читали, и кино смотрели. Старая бабья доля ими уже не воспринималась, как обязательная. Все должны были работать и экономическая зависимость от мужа, как в прежние времена, исчезла. Женщин в семье держала любовь или долг, когда любви не было, но не страх и не зависимость.

Наташа, воспрянув в замужестве, снова стала рисовать,

хоть и редко, но вскоре вовсе бросила это занятие.

– Андрей, смотри, какой натюрморт удачный у меня получился, – как-то, совсем скоро после свадьбы, показала она рисунок вернувшемуся с работы мужу.

Тот вместо похвалы буркнул:

– Лучше бы ужин стоговила, в доме шаром покати.

– Где же шаром, вот ведь – целая кастрюля борща.

– Вчерашний...

– Так ведь вчерашний даже вкуснее!

– Вкуснее?! – схватил он рисунок жены, порвал со злости, кинул в печку, туда же полетели и кисточки. – Вот твой натюрморт! А ещё раз предложишь мне вчерашний обед на ужин, я из тебя самой натюрморт сделаю! – пригрозил муж.

Традиции. Любви и уважения такое поведение Андрея Наташе не добавило. Канат, крепящий семью, трещал, нити его гнили и рвались и конец был определён.

Однажды Петя нечаянно уронил с полки макет сторожевого корабля, на котором служил Коноплёв, он же сам его, этот макет, и сделал. Андрей распахнулся и так ударил Петьку, что тот отлетел к стене и потерял сознание. Наташа схватила мальчика и в чём была сбежала с сыном к родителям. Навсегда.

Ефим Родионович дочь принял и поддержал. Вся родня Сечкиных и Коноплёвых Андрея осудила. Петину немощь все связывали с отвратным поведением Андрея во время бе-

ременности жены. Тот случай ему простили, а этот не простили. Сечкины и Коноплёвы происходили из старых казацких родов, где семья была высшей ценностью, а дети – высшей наградой, даром божьим.

Коноплёв бросил семью и уехал из рыбацкого колхоза. Ну и бог с ним! А у Наташи с Петькой началась новая жизнь. Ефим Родионович стал поговаривать о переезде в город, но дочь – наотрез. К двадцати восьми годам Наташа к своей жизни привыкла, менять уже ничего не хотела, здесь – в Порт-Стрелке – подруга Вера, работа, свой угол, хозяйство, родня.

А ещё когда сбежала от мужа, взяла да и поступила в пединститут на заочное на факультет изобразительных искусств. Искусство снова вернулось в её жизнь всё теми же натюрмортами. Пробовала Наташа писать портреты – на Петьке тренировалась. Но сын был непоседой. Портреты малыша получались «кошмарными» по выражению подруги Веры. Других желающих позировать Наташе не нашлось и натюрморты да пейзажами её творчество ограничилось.

Глава 2

В своём доме Наташа с сыном давно уже жили лишь по выходным, только зимой она забегала к себе через день, чтобы протопить печь. К деду Петька явился весь в пыли, таща за собой портфель размером ровно в половину мальчишки. С недавнего времени чуб у мальчика стал завиваться как у старорежимного приказчика, из-за чего Петька выглядел шкодой, а тут ещё и весь помятый, одно слово – воробышек-хулиган.

– Откуда ты пришло, такое чудо?! – спросил дед Ефим.

Сечкин-отец лишь недавно сам расстался с чубом, заменённым на лысину. Причём, волосы в свои шестьдесят три года имел природные, без единого седого волоска. Несмотря на своё казачье происхождение, внешность у Сечкина была заурядной мужиковской. Красавцем Ефим не был, но лицо имел приятное, добродушное, улыбочивое. Добротой и победил милашку Дашеньку, как звали будущую жену Ефима в рыбацком посёлке.

– А! – махнул рукой мальчик, отправив пинком портфель в угол прихожей. – Учебный год закончился, а за лето я вырасту. Разве не вырасту?

– Обязательно вырастешь, – подтвердил дед.

– И эта форма мне не понадобится.

– Философ! – язвительно изрёк дед. – Переодевайся быст-

ро, пока наши бабы тебя не увидели. А то закончится твоя философия в углу на горохе.

– Уже и подрасться нельзя... – недовольно проворчал внук.

– Стоять! – рявкнул дед. – С кем дрался?

– Со всеми...

– За что?

– Они меня косым дразнили.

– Ну?

– А я не косой, я косоглазый!

– Кто кого? – дед спрятал улыбку за нарочитым зевком.

– Ничья, – вздохнул Петька. – Я как за дрын ухватился, так они все и сбежали. Ну не буду же я с дрыном за ними по всему посёлку носиться? Завтра продолжим. Дрын я у калитки оставил. Ты его не трогай!

– Я его не трону, – пообещал Ефим Родионович, – я его выкину куда подальше! Что это за причуда – дрыном! Убить кого надумал? На кулачках надо, по-пацански!

– Ага, по-пацански... А если я маленький, а их много?! – недовольно проворчал Петька.

Он подошёл к деду и забрался к нему на колени.

– Они фильм посмотрели «Джентльмены удачи». Где Крамаров – Косой. Ну, и меня стали звать Косой. Дед, скажи, а вот косоглазый Крамаров же стал знаменитым? А я разве не смогу? – Петька прижался к деду. – Ну скажи!

– Ты подожди в артисты записываться! – усмехнулся дед. – Попробуй сначала что-нибудь посерьёзнее, мужское,

так сказать. Ну а коли не получится, то тогда и в крамаровы можно податься.

– Они что, все глупые там, эти артисты? – удивился мальчик.

– Поди не Ломоносовы! – фыркнул в усы дед.

– Да? – Петька задумался. – А я буду как Крамаров. Папка меня увидит в кино, и ему станет стыдно, что он нас бросил!

– Э-хе-хе! – тяжело вздохнул Ефим Родионович. – Боюсь, внучек, что твоему папке такое чувство как стыд неведомо... Беги давай переодеваться!

Он снял Петьку с колен и подтолкнул в сторону детской комнаты. А сам загрустил.

У Наташи сразу не заладилось с Андреем. Сечкин переживал, он сам фактически навязал дочери этот брак. Не смогли они с матерью её, дочку единственную, отгородить от страданий. А всего-то и нужно было – не лезть в её личную жизнь. А с другой стороны – как не лезть, если она сама себе цену не сложит? Видели, что дочка горда и свободолюбива.

– Что ты переживаешь? – успокаивала мужа жена. – Ты же не знаешь, как оно там у них... Ты же в постели с ними не бывал...

– Так-то оно так, только я же вижу... Нет промеж них любви. Как испарилась куда-то...

А потом сколько они Наташу на замужество подталкивали. И мужики попадались добротные, без гнили. Но, вот,

упёрлась и ни в какую, как будто её на костёр тащили. А Петька рос, ему уже нужен был отец. Дед, конечно, тоже мужчина, но отец, всё одно, ближе. К нему и отношение другое и обучение от него полезнее. Времена-то меняются. К чему Петьке дедовские навыки, полученные в эпоху, когда и электричества не было?

– Опять они его обижают?! – возмутилась Наташа, когда Ефим Родионович обмолвился о драке внука. – Ну ничего, я с осени приду работать, я им там всем покажу!

Ей уж и вправду не терпелось. Осталось летом сдать «го-сы», а договориться о месте работы она успела – в школу к сыну. Учительница по рисованию была в пенсионном возрасте и держалась в школе только по просьбе директрисы.

– Да ты не о том! – скривился отец. – Чего ты в мальчишеские дела лезешь, женщина? Не убьют! Я тебе про отца его.

– Где я отца ему возьму?! – поджала губы Наташа. – Лучше без отца, чем с таким как Коноплёв!

– Ну, это не моё дело. Сама разбирайся в своей личной жизни. Я тебе за просто так рассказал, без смыслу, – закончил разговор дед Ефим и уткнулся в газету.

Перед сном Ефим Родионович поговорил с женой. Как-то же надо было дочь в чувство приводить? Негоже женщине без мужа, а сыну без отца. Не по-людски и перед односельчанами срамно. Обсудили они всех местных женихов, да всех и забраковали: тот пьёт, этот гуляет, третий драчливый,

четвёртый беспутный.

– В город ей надо, – решила Дарья Петровна. – Чего бабе с дитём на парубков кидаться? Нужно вдовца искать или разведённого, чтоб понимал мужик, в чём его счастье.

– В чём? – заинтересовался Ефим Родионович.

– А ты не знаешь? – фыркнула жена.

– Может и знаю... А ты об чём?

– Иди ужо ко мне, забывчивый мой, – Дарья Петровна обняла мужа, притянула к себе. – Напомню!

Эх, кто бы и Наташе напомнил! Она мужчин сторонилась, да уж прямо надо сказать – боялась, крест на себе поставила. Думала, что не хватит ей той самой женской мудрости, позволяющей слепить из простого мужика с традиционным набором причуд и пороков отличного семьянина. А других-то в посёлке и не было. А раз не хватит, то зачем ещё раз в этот омут – совсем утопиться? Оттого и любовь всю – на сына...

Да и вокруг что: пьянство, семейные ссоры, измены, драки. У той же подруги Веры от праздника к празднику то губа разбита, то фингал под глазом, то шишка на лбу, а то и нос сломан. А такая любовь была! Казалось Наташе, что мужики перевелись. Не было таких, как её отец. Но женское своего раз от раза требовало, тогда Наташа, повыв тихонько в подушку, чтобы не слышали родители и Петька, вставала, доставала из шкафа бутылку коньяка...

Вот, ведь, странное дело: женщина одинокая, сама себе

хозяйка и мужиков полно вокруг свободных и на любовь охочих, так нет же... Не о чести думала Наташа. Какая честь, когда уже ребёнок имеется? Не осудил бы её никто. Полно было и женщин гулящих и девок, с пути праведного сошедших. Не хотела она сердце своё пошлостью губить. Понимала, что раз отдалась без любви, второй раз и любовь утратит ценность, а любить хотелось, чтобы как у всех. Чем она хуже?

Как-то перебрала и на работу явилась с тяжёлого похмелья. Вера, пришедшая за покупками, удивилась: «Ты бухала, что ли?»

Наташа смутилась и покраснела.

– Понятно! Мужика хотела, – догадалась Вера.

– Очень нужно! – фыркнула Наташа.

– Нужно, если бухала, – задумалась Вера. – Слушай-ка, Мишка, который механик у твоего на шхуне, давно на тебя виды имеет.

– Мне за него его Люська все космы повывдёргивает! – усмехнулась Наташа.

– Да где та Люська и где ты?! – возмутилась подруга. – Нашла с кем себя сравнивать!

Люська была известной распутницей в Порт-Стрелке. За глаза мужики звали её наставником юных самцов.

– Не хочу! – Сечкина поморщилась. – Переживу как-нибудь. Не я первая, не я последняя.

Правда с тех пор пить перестала. Стала читать всякое, желательно не про любовь. Постепенно даже взяла себя в руки, полностью сосредоточилась на подготовке к выпускным экзаменам, думам о мужиках в её голове совсем не осталось места. Но...

В тот злополучный день в самом конце мая восемьдесят второго, выйдя из дома за водой к колодцу, она вдруг обнаружила, что в усадьбу напротив вселяются новые жильцы. Дом пустовал два года, казался мёртвым уже окончательно. Ан вишь!

Наташа оставила вёдра и коромысло на скамье у калитки и подошла, чтобы поздороваться.

И остолбенела: новыми соседями были полковник Рукавишников и его жена.

Отец Виталия хоть и был «небожителем», но родился и вырос в деревне. Когда небо ему закрыли по состоянию здоровья, он спустился с небес и ощутил в себе нечто крестьянское. Ему захотелось возиться с землёй. И жена его тоже считала, что старость должна быть активной, а активной она может быть только на земле. В этих местах Рукавишникова прожили более десяти лет и привязались к ним душой и сердцем.

Наташа родителям Виталия представлена не была. Считалось неприличным девушке ходить в дом к парню. Такое право имела только невеста. Сам Виталий родителям об от-

ношениях с Наташей не говорил. Он вообще не рассказывал им никогда о своих амурных делах. Понятное дело, Наташа Рукавишниковых знала. Да к тому же, мама Виталия была председателем родительского комитета школы. На школьных спектаклях все почести отдавались актёрам и режиссёру. Сечкина была в стороне. Виталий почему-то не выделял Наташу, а она была скромницей. Ей было уютно в тени чужой славы.

Павел Аркадьевич был ростом невелик, но крепок, как бочонок. Его седые волосы на «вольных хлебах» отросли и образовали на голове кучерявый стожок. Внешность у лётчика была типичной финно-угорской – то ли мордва, то ли чудин. Виталик пошёл в маму, унаследовав от отца только сочные губы. Мама Виталика за последнее время чуть располнела, но оставалась всё такой же миловидной, как раньше. Она всегда носила короткую причёску, предпочитала юбкам брюки или джинсы, а волосы красила так часто, что и сама забыла, кто она – шатенка или брюнетка. Сейчас она была рыжеволосой, как лисья шкура.

– Вы к кому, женщина? – поинтересовалась у подошедшей Наташи.

– Здравствуйте, Ирина Максимовна, с новосельем вас! Я ваша соседка из дома напротив. Мы – Сечкины.

– А вы не Наташа ли?

– Наташа, – та отчего-то смутилась.

– Так это вас Виталик должен был везти в Москву? – Ири-

на Максимовна приблизилась вплотную.

Сечкина отступила на шаг, сохраняя дистанцию:

– Это была предварительная договорённость. Он не сказал мне, когда должен был приехать. Я не успела бы подготовиться к отъезду. А потом... Он не очень-то и хотел...

Она выпалила все это скороговоркой, но Ирина Максимовна её поняла.

– А ты хотела? – спросила она.

Хотела ли она? Наташа покраснела, засмушалась, стала ковырять траву носком туфельки.

– Я уже замужем, – ответила, глядя в землю. – Была. У меня сын. Обращайтесь, если понадобится помощь. Мы запросто, по-соседски...

Развернулась, забрала вёдра и ушла к себе во двор. Разнервничалась. Вот оно опять... Вспоминала она все эти годы Виталика? Вспоминала. Мечтала о нём? Мечтала. Винила себя, что сама не пошла навстречу? А вот тут уж фиг с маком! У каждой влюблённой женщины есть красная черта, через которую ни она сама не переступит, ни своему возлюбленному не даст переступить.

Весь вечер мысли вертелись вокруг Виталия. Когда-нибудь он должен будет приехать к родителям. Наверняка уже женат. Как ей себя вести? А вдруг?..

Ничего. Если объявится, Наташа уйдёт с сыном к тётке, жившей в районе рыбозавода. Так сказать, от греха по-

дальше. На этом и успокоилась бы, но Ирина Максимовна в тот же вечер пришла почтение засвидетельствовать. С Ефимом Родионовичем и Дарьей Петровной новая соседка была знакома хорошо. Сечкины всегда были в родительском комитете школы, начиная со своего первенца. Ирина Максимовна принесла коробку шоколадных конфет московской фабрики – редкостную по тем временам вещь. Сечкины поставили самовар. Сели в саду в беседке.

– А что же Павел Аркадьевич?

– Устал просто. Ну, теперь уж позже познакомится непременно, он ведь не бука у меня, мы ещё по-соседски посидим с вами не раз, – Ирина Максимовна улыбалась открыто, не верить ей резона не было.

– Да чего ждать следующего раза? – удивился Ефим Родионович. К конфетам положили то, да другое, вот и застолье... вот и соседей полон двор. Рукавишникова ушла и вернулась с мужем, одетым по форме и полной авоськой водки.

– Вот это разговор! – оживились мужики.

После тройки тостов народ запел. Затем и гармониста потребовали, перешли к танцам. Рукавишникова вызвалась помогать хозяйкам. Как-то остались с Наташей наедине в кухне, Ирина Максимовна поинтересовалась:

– Наташенька, а почему вы моего Виталика бросили?

– Я бросила?! – возмутилась Сечкина. – Он ко мне в те дни даже не подошёл! Пропьянствовал с друзьями, а обо мне и не вспомнил. Ну и пусть!

– Хм! – Рукавишникова прикусила губу и задумалась, оставив Наташины возмущения без комментариев.

Уже поздно вечером при расставании Ирина Максимовна обмолвилась. Сечкины враз протрезвели.

– А ведь могли мы с вами породниться, если бы наш Виталик не сбрендил!

– Вот как?! – Сечкины уставились на Наташу, требуя объяснений.

– Не сложилось, – пожала плечами дочка. – И уже не сложится.

Глава 3

Ночью Наташа не спала. Да и как заснёшь? Всё чудилась в словах Ирины Максимовны какая-то недосказанность, нечто такое, что дарило надежду. «Если бы Виталик не сбрендил...» – сказала Рукавишникова. А что бы было?

Может, увёз бы он её в Москву. Может она поступила бы в знаменитое художественное училище. Может окончила бы его. Может Виталик взял бы её в свои постановки. Это всё Наташа допускала, но то, что сможет конкурировать со столичными красавицами, не допускала. «Если бы Виталик не сбрендил...» – крутилось в голове бедняжки, а изнутри, из самых глубин тихо прозвучало: «Не сбредил бы, если любил!» А значит и в столице были бы они не более чем соратниками, в лучшем случае.

Надо было успокоиться, но она не могла. «Ну вот что в том Виталике такого особого?» – спрашивала она сама себя, и сама себе отвечала: «Всё!» Таких парней не было в Порт-Стрелке и никогда не будет. Он такой один в её жизни.

«Любят человека целиком, а не за что-то отдельно. А если иначе, то это не любовь», – утверждала одна часть Сечкиной.

«А ты уверена, что любовь была?» – спрашивала другая.

«А если тянет к нему как пишут в романах – с непреодолимой силой. Это разве не любовь?»

«А ты можешь представить себя с ним в постели?»

«Не знаю...»

«А какая ж без того любовь?»

Всю ночь проворочалась, всё говорила сама с собой в полудрёме. Под утро успокоилась, решив, что испытывает фантомные чувства. Было в их общем с Рукавишниковым прошлом нечто, что не имело своего продолжения, хотя и бередило душу. Нужно думать о Петьке. Родной отец не принял сына-заморыша, а чужой мужчина? Зачем ребёнку новые муки? Уговаривала себя, а мысли о Виталике не оставляли, проявляясь в снах, в видениях, вспыхивающих внезапно в сознании, порой невпопад. Надежда, она умирает последней.

Рукавишниковы всё больше сближались с Сечкиными. Петька был в восторге от такого соседства. Павел Аркадьевич подарил мальчику кокарду, тот прицепил её на свою фуражку. А как-то Рукавишников-старший, возвращаясь из магазина, в котором работала Наташа, прихватил с собой Петьку. Шли до дома под завистливые взгляды мальчишек, назавтра Петька сразу почувствовал, как резко подскочил его авторитет среди уличных сорванцов.

Ирина Максимовна несколько раз пыталась при Наташе завести разговор о Виталике, Наташа резко меняла тему. Как-то Рукавишникова не выдержала:

– Неужели тебе не интересно, как живёт Виталик? Ведь вы всё детство были рядом!

– Пусть живёт как живёт! Мне без разницы! – процедила та в ответ.

Ирина Максимовна только усмехнулась. Было бы без разницы, не вспыхнула бы, да грубить поостереглась. Максимовна явно что-то затевала, Наташа это чувствовала, но ей казалось, что Рукавишникова хочет уберечь семью своего сына от неё. Зачем, если у Виталика нет к ней никаких чувств? В общем, поведение соседки было непонятным и оттого вызывало тревогу.

Неожиданно для Наташи появилась возможность исправить Петино косоглазие. Из районной больницы, где Петя стоял на учёте, пришло письмо, что в Приморске при краевой больнице стали делать специализированные операции. Наташа отправила запрос, мысли о Виталике на время покинули её голову, тем более что и Максимовна угомонилась, не допекала её своим сыном.

Как на грех, операцию Пете назначили ровно на дни сдачи госэкзаменов. Она созвонилась с заведующим, и тот поведал, что другое время для операции будет не раньше следующей весны: детей оперировали в каникулы и до марта все операции были расписаны по минутам. Что Наташе важнее, так вопрос даже не стоял.

– Сдашь в следующем году, – успокоила Верка. – Куда тебе спешить?

– А вдруг, я за год всё забуду? – волновалась Сечкина.

– Какой вариант?

Вариантов не было. Она послала телеграмму в свой ВУЗ. В институте неожиданно пошли ей навстречу, перенесли экзамены на неделю.

– Среди людей живём! – заметил глубокомысленно по этому поводу Ефим Родионович.

В город Наташа с сыном отправилась с солидным багажом. В Приморскеони с вокзала сразу же на такси поехали в больницу. Сечкина не пожалела трёшки на дорогу. В приёмном отделении посмотрели документы, заставили мальчика переодеться в пижаму. Петю оформили и увели в палату.

– А я?

– А что вы?

– Я должна находиться с сыном.

– Ребенку семь лет, уже вполне самостоятельный, чтобы обойтись без вас, – улыбнулся врач. – Да вы не беспокойтесь, всё будет хорошо, операция не сложная, мы такие делаем десятками...

– Я же сюда надолго приехала, кучу вещей притащила! Что, зря? Как вы не понимаете, он не может без меня! – Наташа собралась было качать права, но не успела даже толком начать.

– Ну, не знаю... Идите к заведомлению, я не уполномочен, у меня четкие инструкции, – сказал врач и распрощался.

– Мамаша, перестаньте истерить! Это не такая операция, когда требуется сложный уход, и ваше присутствие в пала-

те совсем не обязательно, – заведующий отделением даже не дослушал. – Будете навещать своего мальчика на общих основаниях в приёмном покое. А если в отделение приходите, то нечего тут инфекции таскать, знаете ли! Кто вас так пустил?! Чтобы была сменная обувь и медицинский халат. И волосы, пожалуйста, под платочек.

Заведующий выдал ей из своих запасов халат, нашлись у старшей медицинской сестры и тапочки, и косынка. Пришлось смириться. Наташа никак не могла понять, по какой такой причине дети находятся в одном отделении со взрослыми. Взрослые и курят, и скабрёзные вещи обсуждают и матерятся. Как-то обошлись с ней грубо... Хоть бы объяснили, что к чему. Наташа нервничала.

В палате на четверых кроме Петьки лежали двое с забинтованными по самые ноздри головами, этих уже прооперировали, и молодой мужчина, которому предстояла замена хрусталика. Он уже успел познакомиться с Петькой и рассказать любознательному мальчику, что зовут его Антон Шутренков, что в жизни он водитель междугороднего автобуса, что побывал в аварии и после неё стал терять зрение.

Антон был высокого роста, спортивного телосложения. Как-то этот водитель выглядел слишком благородно и руки у него были не под баранку заточены – узкие кисти, тонкие длинные пальцы. Наташа мельком взглянула на Шутренкова, увидела его восторженный взгляд с хитринкой, добрую улыбку. Мужчина не вызывал подозрений. Сечкиной даже

захотелось нарисовать его портрет. Был Антон красив той мужественной красотой, которую иногда изображали в Христе.

– Как ты тут, Петенька? – Наташа подхватила сына на руки и прижала к себе.

– Вы, мамаша, не переживайте! – успокоил её Антон. – С нами ваш мелкий будет как за каменной спиной!

– Уж уважьте! – улыбнулась шутнику Сечкина. – Ону меня хоть и мелкий, а такой непоседа!

– Я тут по делу сижу, – солидно, по-взрослому заявил Петька. – Всё будет чики-поки! Правда, дядя Антон?

– Воистину чики-поки! – ответил большой друг.

Наташа поморщилась, но промолчала.

До ужина она успела всё разузнать и со всеми медсёстрами и санитарочками познакомиться. Женщины обещали ей, что за мальчиком присмотрят и всё будет хорошо. Мамаша несколько успокоилась. Когда пришло время прощаться, Антон с Петей пошли её провожать. Наташа поспешно давала указания сыну, в десятый раз повторяя одно и то же.

– Да, слышал уже, слышал! Разве не слышал? – замахал на мать руками Петька. – Вот затараторила, как попугай в нашем живом уголке!

– Не смей орать на мать! – возмутилась Наташа и топнула ногой. – Нахвтался уже!

Антон засмеялся и поинтересовался, предотвращая ссо-

ру:

– Кстати, а вы где остановились?

А действительно, где? К подруге по учёбе идти уже поздно, ей она предварительно не позвонила, а без звонка за-
являться было по меньшей мере неприлично, а то и вовсе
чревато: незамужняя подруга проводила свободное время
по своему усмотрению. Мало ли что у неё запланировано
на вечер?

– Ничего, как-нибудь на вокзале перекантуюсь. Завтра
определюсь, – ответила она.

– На вокзале?! – ужаснулся Антон. – С бомжами, алкаша-
ми, ворами и шлюхами?! Это не место для барышни! Не го-
дится. Вы поедете к моей маме. Она сейчас одна. Подожди-
те, я записку с вами отправлю!

Наташа немного покочевряжилась, но, понимая, что Ан-
тон прав, согласилась.

Если вы вдруг попадёте в дом к художнику, то вряд ли
это помещение окажется эталоном вкуса. Рабочие не живут
в цехах, водители не живут в автомобилях, хирурги не жи-
вут в операционных и только художники, чаще всего, живут
там, где работают. В прихожей вас встретит висящий на ве-
шалке какой-нибудь овчинный тулуп эпохи царя Гороха, по-
еденный молью и испускающий запахи, отличные от аромат-
ных. Рядом с тулупом будет висеть модный плащ. Если вы
попросите тапочки, то после пары минут искреннего изум-

ления вам небрежно укажут взглядом на полку для обуви, где вы их и обнаружите – стоптанные до дыр неизвестного происхождения, а теперь и предназначения чоботы, ценные лишь тем, что в них ходил сам «великий Гуревич», о чём хозяин поведает вам с благоговейным придыханием. Кто такой Гуревич? Чем он велик? Если вы не заохаете от восторга, а будете иметь плебейскую наглость спросить о том Гуревиче хозяина, то он ответит вам, презрительно оттопырив нижнюю губу:

– Таких людей нужно знать!

Если вы начнете уточнять, каких людей вам непременно следует знать, вам будет милостиво сообщено, что великий Гуревич, звезда первой величины в прикладной живописи – друг хозяина дома, создатель таких шедевров, как вывеска магазина «Продовольственные товары» на улице Ленина и стенда-ценника часовой мастерской, что на углу Тухачевского и Гоголя. И плюс – у Гуревича отличный вкус, ибо он очень ценит работы хозяина.

В комнатах ваш взгляд будет постоянно наткаться на утомительное изобилие всяких картин, статуэток, – приличных и не очень, симпатичных и отвратных, – разных предметов, никак не гармонирующих с обстановкой и мебелью, явно собранной на городской помойке. Не пытайтесь сразу принять сидячее положение! Во-первых, это опасно для жизни, во-вторых, саму такую попытку пресечёт хозяин, который пару часов будет вас водить от одного художествен-

ного ляпа к другому и с гордостью рассказывать о том, кто и когда подарил художнику тот или иной опус. Обязательно вы увидите обнажённую натуру, как некий герб, обозначающий принадлежность хозяина к творческому цеху, которому древние греки не соизволили выделить персональной музы. Натура та, – можно голову класть на отсечение, – будет пышнотелой, дебелой, несимпатичной – рубенсовской дамой.

И только когда вам от избытка впечатлений захочется выпрыгнуть из окна, чтобы как можно быстрее покинуть эту обитель представителя богемы, художник востепенится, врежет вам со всей дури по спине и с разоружающей улыбкой предложит:

– Скажу тебе честно, старик, всё это есть не что иное, как полное дерьмо! А не крякнуть ли нам по стаканчику?

Мама Антона была художницей театральной. Это нечто менее извращённое, но тоже с причудами. У таких нет мастерских при жилище, хотя они об этом и мечтают. Они не живут там, где работают. А что им рисовать дома? Рубенсовских проказниц? Художникам из театров изредка перепадает халтурка. Если начальник добр, то халтурят в мастерских при театре. Если начальник негодяй, то ищут подсобные помещения или превращают в ад свою квартиру.

В Приморске было два театра: академический первой категории имени А.С.Пушкина и обычный репертуарный второй категории имени А.М.Горького. Понятно, что перво-

му, статусному, театру благ и бонусов доставалось больше, а второму меньше. В театральных кругах служащих этих театров так и звали: «пушистые» и «горькие». Но у горечи был и сладкий привкус. В театре Горького режиссёры имели возможность экспериментировать, вольнодумствовать и даже откровенно дерзить просто в силу некоторой незначительности статуса этого храма искусства. Анна Андреевна, мать Антона, до художника-постановщика не дослужилась, но на судьбу не жаловалась. Почётная грамота Министерства культуры СССР давала некие привилегии и пенсии. Но на пенсию Шутренкова уходить не спешила.

– Представьте себе, дорогая, что труппа играет сорок два спектакля и в тридцати из них моё оформление. Кто ж лучше меня знает – что, где и чем нужно обновить? Пришла у нас одна из художественного училища. Вся из себя такая-рас-такая! И тут же, мерзавка, принялась обновлять задник гуашью по маслу! Нет, ты представляешь: задник и гуашью по маслу! Бр-р-р-р! – возмущалась она за ужином.

– Представляю, – рассмеялась Сечкина.

– Откуда? – удивилась Анна Андреевна.

– В своё время я хотела поступать в художественное училище, – объяснила Наташа.

– Да?! – брови Шутренковой взмыли вверх. – Из деревни в художку? Хм! Ну-ка, пошли!

Шутренковы жили в пригороде Приморска на станции Санаторной в частном доме, построенном ещё отцом мужа Ан-

ны Андреевны, капитаном-китобоем. К домук началу нашего повествования уже покойный муж хозяйки, тоже капитан и китобой, пристроил для жены мастерскую – насколько просторное и светлое помещение, настолько и холодное в зиму. На Санаторной было много санаториев и пансионатов, которым требовалась художественная продукция, те же таблички на дверях. Анна Андреевна всегда имела шабашку и муж выделил ей профессиональный угол «для художественных извращений», как говорил Антон. Сама Анна Андреевна называла свою мастерскую Эдемом. Наташа вдохнула в себя как благовоние особый запах мастерской. «Вот это жизнь!» – подумала.

Хозяйка дома была дамой, в которой миловидность сочеталась с холодностью. То или иное решали её губы: либо чуть сжатые, как перед первым поцелуем, либо растянутые в обезоруживающей улыбке а ля младенец. Роста она была среднего, Наташе по серьги. Для пятидесяти пяти лет Шутренкова выглядела неплохо. Почти без морщин, без возрастных потёков на лице. В волосах, имевших естественный тёмно-русый цвет, не было не единой сединки. Фигура молодой, со спины так очень аппетитно выглядела Шутренкова. Улыбалась Анна Андреевна крайне редко. Заботы одолевали. Наташе она предстала в своё наикрасшем виде.

Анна Андреевна приоткрыла одно полотно. На нём просматривалась верхняя часть обнажённой женской фигуры.

– Это кто? – спросила хозяйка у гостыи.

– Это «Рождение Венеры» Боттичелли, только цвета какие-то не такие, – сразу ответила Наташа.

– Цвета такие, какие надо, – проворчала Анна Андреевна. – Это часть декорации. Она будет освещена красным светом, потому и цвета подобраны так, чтобы в красном она выглядела как в обычном дневном свете. А ты просто прелесть, моя дорогая! Нет, ну надо же! И при этом из колхоза!

– Из рыбацкого колхоза, – поправила хозяйку гостя.

– А есть разница? – удивилась Шутренкова. – Хотя, наверное, есть, если ты так на этом настаиваешь. За это надо выпить, и не вздумай мне отказать: прокляну!

Она схватила сильной рукой Наташу и поволокла её в дом как добычу. Дом состоял из трёх комнат и кухни с санузлом. Одна половина его была бревенчатой, вторая – из красного голландского кирпича, который в начале прошлого века в Приморск завозили из-за границы местные купцы, взявшиеся выстроить центральную улицу города в голландском стиле. Ну, такая блажь была у тогдашнего губернатора. На главную улицу выходили портовые склады, фасады которых также были сложены из заморского кирпича. После революции склады снесли. Дед Антона был человеком предприимчивым и договорился с докерами, чтобы те красивый кирпич из разрушенных складов экспроприировали в пользу китобоя. Из того кирпича Шутренков-дед сложил вместе с сыном две спальни.

Поскольку у Анны Андреевны был свой угол, в котором

она и жила, то весь художественный бардак концентрировался в Эдеме. В хозяйской спальне, которую после смерти мужа Шутренкова игнорировала, сохранилась старая мебель начала века, изготовленная местным мебельщиком. «И. Грыж» значилось на медных пластинках. В спальне Антона мебель была уже современная, советского производства. В общей комнате, которая некогда была залой, стоял коммодный рояль, впрочем, незатейливый, не Стэйнвэй, накрытый синим чехлом с золотистого цвета бахромой по краям. Ещё в зале был старинный кожаный диван, обеденный стол, обрамлённый шестью стульями и четыре полки под потолок, заставленные книгами.

На подоконниках во всех комнатах в простеньких горшочках росли фиалки и герань. Без излишеств. Окна были прикрыты тюлевыми занавесками. Наташе бросилось в глаза полное отсутствие штор. Не было также и картин. О роде занятий хозяйки дома говорил только макет декорации к спектаклю «Гроза» – дипломная работа Анны Андреевны, – установленный на одной из полок.

Ковров в доме не было, а все полы, включая и санузел, были застланы потёртыми коврами дорожками ядовитого красного цвета, списанными и перепавшими Анне Андреевне по жребию по случаю обновлению интерьеров театра.

Женщины выпили по рюмашке, по другой. Сечкина рассказала, что заканчивает факультет ИЗО в пединституте, что

будет преподавать в школе черчение и рисование, вести художественный кружок. Будущая учительская деятельность Наташи Шутренкову не воодушевила.

– Вы мужа на операцию привезли? – спросила хозяйка.

Заговорили о детях. Это мужики всё об армии да о бабах, а женщины, те устремлены в будущее. Наташа переживала за сына.

– Светляков, хирург, тот мастер золотые руки. У самого Кричевского стажировался. Всё будет с твоим Петенькой зашибись, а вот с моим чего будет – это одному богу известно, – вздохнула Анна Андреевна. – Всё в его жизни сикось-накось!

– А кстати, – заинтересовалась Сечкина, – почему он по вашим стопам не пошёл? В отца?

– В отца? – Шутренкова презрительно оттопырила нижнюю губу. – Да он его и в глаза не видел! Муж у меня был, а отца у Андрея не было. Ты можешь меня осуждать, но я не стесняюсь своей популярности в молодые годы. Знаешь, сколько у меня любовников было? Тебе столько не осилить! Ха! Смутилась! Скромница какая! А ты сразу поверила, да? Ну скажи ведь, поверила?

– Поверила, – кивнула Наташа. – Вам трудно не поверить.

– А не надо верить первому встречному, – Анна Андреевна высморкалась о край скатерти. – Извините за некультурность. В носу засвербело, а это к слезам. А плакать нам с тобой не к чему. Вот выжрем всю водку, тогда и повоем по-ба-

бы. Нет, дорогуша! Не до любви мне было! В сорок первом мне только четырнадцать исполнилось. Отца, офицера, сразу убили. Мать и так больна была, а тут совсем слегла и к осени померла. Брата моего меньшего в детский дом приняли, а я уже по возрасту в дети не годилась. А жить как-то надо было? У нас во дворе была художественная мастерская. Там всякие плакаты в то время изготавливали. Ну и я подрядилась к художникам за краюшку хлеба. А когда немец к Москве вплотную подошёл, то народ весь из столицы и рванул...

– Как это рванул?! – возмутилась Наташа. – Что вы такое говорите?!

– Ладно, – отмахнулась Анна Андреевна. – Я тебе ничего не говорила, ты ничего не слышала. А бежала я со своим художником. Ну, потерялась в этой давке. Кто-то меня в грузовик за руку затащил. Приехала во Владимир. Что делать? А тут, в Приморске, у меня папин брат служил на флоте. Я к паровозникам...

– К машинистам, – поправила хозяйку Сечкина.

– Я к паровозникам, – продолжила рассказ женщина, проигнорировав замечание Наташи. – Вымолила, чтобы меня на восток куда-нибудь отвезли. Мужики сердечные оказались. Так меня от одного к другому, с паровоза на паровоз доставили сюда. А дядька-то был не женат, в казармах сам жил. Устроил меня в одну семью. У них сын был обалдуй, но талантливый. Узнал о моих художествах и пристроил в мастерские при театре. Там и служу с сорок второго.

Художку уже после войны окончила. Там в художке и имела несчастье влюбиться в нашего преподавателя. Замуж за него вышла, а он бабником оказался. Я уже с пузом ходила, как заваливается его краля, которую он в Магадане поматросил и бросил, когда срок там отбывал по тридцать седьмой статье. Ну, я вещички в руки и фить в дверь! Только меня и видели. А потом в себя пришла... Оставалось только утопиться. Пришла я топиться в рыбный порт. Сижу, ноги себе уже верёвкой обвила, к камню верёвку пришпандорила, и обратный конец себе на шее вяжу. А мой будущий муж вахту нёс на китобое, рядом с которым я топиться собралась. Он, значит, на носу стоит, трубку свою курит и за мной наблюдает. А у меня никак узел на шее не завязывается!

– Гражданочка, – орёт он мне сверху, – вы чего так над концом извращаетесь?! Концу них это не тот конец...

– Я в курсе, – улыбнулась Наташа.

– Ах, ну да! Ты же рыбачка! «Рыбачка Соня как-то в мае...» А о чём я? – Анна Андреевна удивлённо уставилась на Сечкину.

– О самоубийстве, – подсказала гостья.

– Ага! А я откуда знала, что «конец» – это ихняя верёвка?

– Канат, – подсказала Наташа.

– Да хрен с ним! Я думала, что он не одобряет моего способа самоубийства, конца то есть. И ору ему: мне, мол, всё равно как сдохнуть. А он мне сверху и вещает, ну раз всё равно, то давай как в сказке помирать, мол, жили они долго

и счастливо и померли в один день. Я ему на пузо показываю, а он смеётся: это же хорошо, мол, не бракованная. И взял меня в жёны с Антошкой. Любил он его. И Антоша мужа любил, но звал дядей. Мы сразу так договорились, чтобы без обмана. Вот так.

– А кто ваш Антон сейчас? – поинтересовалась Наташа, хотя и знала уже.

– Водила, – Анна Андреевна небрежно махнула рукой. – Такой был талант! Но попалась одна смазливая бестия и всю жизнь моему сыну покалечила. Слаб он оказался. Не для искусства. Характера не хватило. После армии окончил курсы и с тех пор водит автобусы по маршруту. А в личной жизни у него полный ноль. А у тебя как?

– Примерно также, – улыбнулась Наташа.

– Ну, тогда вас и оженим. Чего вам холостяковать без толку? – рассмеялась Анна Андреевна. – Родите мне внука... Меня выпрут из театра... Буду нянчиться с малышом... Как никому не нужная бабка... У-у-у-у!

Анна Андреевна разрыдалась. Наташа бросилась её успокаивать:

– Анна Андреевна, не надо плакать! Вот водичка...

– Подожди! – отстранила от себя гостью художница. – Кто ж так успокаивает? Сейчас научу! Давай вой!

– Зачем? Я не хочу, – замотала головой Сечкина.

– Вой! У тебя мужа нет! – настаивала Анна Андреевна. – Раз мужа нет, значит бабе после пьянки нужно выть!

– Это кто так сказал? – возмутилась Сечкина. – Нет, да и фиг с ним!

– Молодец! – одобрила гостью художница. – Наш человек! Всем спать!

Глава 4

В больнице Петя впервые оказался один, без мамы.

В школе друзей у Петьки не было. На что он постоянно болеющий и по мнению поселковых пацанов никчemuшный годился? Ни в игры поиграть, ни с рыбзаводскими или с мальчишками из военного городкаподратся. Ни в тайгу с ним не сходить, ни в море. Ребята с улицы брали Петю только что в чижа или бабки поигратся, а девочки – в классики. Дед Ефим с бабушкой, да мама – вот и весь круг общения. Мальчик всегда находился под надзором старших.

А тут – один, да ещё в обществе взрослых мужчин. Впору бы оробеть, забиться тихо в уголок, да поскуливать. Разве знал он, что для взрослых дядек может стать отдушиной в их временной изоляции от привычного мира? А стал. Мальчишка был забавный, как такой может не понравится? Он всё время вставлял в свою речь «разве не так?» как удэге вставляют своё «аманаби» или «бясике». Выкручивался, стеснясь своего заикания. Как при разговоре натыкался на затруднение, так тут же повторял фразу, которую выговорил ранее или «разве не так». Да и любознательный, не балованный...

Соседи по палате Петьку приняли с теплотой, непривычной для пацана. Петька ожил. Тут же прошёлся по палатам, со всеми перезнакомился. Других детей в отделении не оказалось, Петьку, маленького и хлипенького, жалели, угощали

всякими вкусами, спрашивали о жизни, о родственниках. Петька стал популярным.

После ужина от обжорства он еле дышал. Прибрёл в холл, уселся на диван и там, под шум телевизора, показывавшего какое-то кино, заснул. Антон аккуратно перенёс мальчика на кровать, укрыл одеялом. Петька проснулся, понял, что не дома и стал хныкать, просясь к маме.

– Ну что ты разнылся как маленький? – расстроился Антон.

– А я какой? Разве не маленький? Маленький и есть... Отвези меня к маме, а? – попросил нового друга мальчик. – А я тебе свои конфеты отдам. Разве не отдам? Отвези, а?

– Не получится, брат! – стал уговаривать Петьку Антон. – Больница – это, брат, очень серьёзная контора. Тебя нужно к операции готовить, а для этого нужно, чтобы ты какую-нибудь злую инфекцию не подхватил. Видел, как тут санитарочки со швабрами носятся туда-сюда? А в ведрах у них думаешь просто вода? Нет, брат, в ведрах целая хлорка! Знаешь, какая это сильная отравка для бактерий? У-у-у-у-у! Что ты!

– А мы не отравимся? – насторожился Петька.

– Нет, – успокоил Антон. – Для нас той хлорки маловато будет. Ну, если то ведро всё выпить, то можно отравиться. Но ты же не будешь пить хлорку из грязного ведра?

– Бр-р-р-р! – поморщился Петька.

– Воистину бр-р-р!

Петька стал засыпать. Он осознал, что в присутствии Антона может чувствовать себя спокойно, как с мамой.

Утром к сыну пришла Наташа. Анна Андреевна не выпустила её из дома, пока она не съела яичницу с беконом, кусочек рыбного пирога и тарелку салата из капусты и свежих помидоров, щедро сдобренных каким-то особым соусом из грецкого ореха. Готовить Шутренкова любила. Тоже ведь творчество.

– В меня не влезет! – запротестовала Сечкина, когда хозяйка подвинула к ней тарелку с пирогом.

– Ты даже не представляешь, как я на тебя обижусь, – глубокомысленно заметила Анна Андреевна. – Оно тебе надо?!

– Ну правда, мне много! – взмолилась Наташа.

– Утром много не бывает! Можешь не обедать и не ужинать, а позавтракать надо основательно, потому что ты не бог и не можешь знать, какая пакость тебя ожидает впереди. А посему ешь и готовься к пакости! – Анна Андреевна подмигнула гостье. – Будь готов!

– Всегда готов! – обречённо прошептала Наташа.

В отделении она переделалась в подсобном помещении санитарок, и ей первым встретился Антон:

– Утро доброе! Ну как моя мамуля?

– Доброе! Уела! – Наташа провела пальцем по горлу.

– Это с ней бывает. Полюбила вас, значит, – улыбнулся Антон. – Ну а вообще?

– Упила! – Сечкина снова провела пальцем по горлу.

– О! – Антон удивлённо вскинул брови вверх. – Маман с кем попало не пьёт! Значит, вы её обаяли! Поздравляю!

– С чем? – Наташа пожала плечами. – Мы с ней виделись в первый и последний раз.

Антон загадочно улыбнулся и ушёл на процедуры. У Анны Андреевны подруг было мало. Вот Верка уехала и осталась в подругах только соседка Клара, которая была у дочки в Омске, помогая той растить близнецов. Наташа – замена не равноценная. Накормить – это святое, но пить с кем попало маман не стала бы. Наташа ей понравилась. И это было приятно Антону.

Наташа пробыла с сыном до обеда. Мальчик сдал анализы, результаты обещали подготовить к вечеру. Нужно было покинуть отделение на тихий час. Наташа решила, что самое время пока навестить институтскую подругу.

Вероники дома не оказалось, не оказалось её и в школе. Наташа решила, что подруга уехала на госы и собралась было возвращаться в больницу, как столкнулась с ней нос к носу, выходящей из трамвая.

Решили отметить встречу бутылкой вина. А тут и ресторан неподалеку. В ресторане Наташа была впервые. Родители её от посещения этого заведения остерегали, грозя всякой нечистью. Что было не совсем правдой, так как ни джентльменов готовых вступить за женщину никто не отменял, ни

милицию, тем паче. Официантка поздоровалась с Вероникой.

– Ты тут частый гость? – спросила Наташа, когда официантка отошла, приняв заказ.

– Не частый, но периодический. Бабью тоску лечу, – грустно улыбнулась Вероника. – Бывает, что только вином, а бывает, кому и приглянусь.

– Я бы так не смогла, – поморщилась Сечкина. – Какой-то разврат...

– А, – махнула рукой Вероника, – какой разврат? Пару раз на меня и клюнули всего-то. Пролетело и не заметила. Так... Покуражилась слегонька... Никакой личной жизни. А у тебя?

– У меня всё хорошо, – Наташа расправила плечи. – Никакой личной жизни!

Они посмеялись, потом выпили по бокалу за встречу. Наташа, рассказывая о себе, упомянула об Антоне.

– И как он?

– Неважно, – Наташа покачала головкой.

– Если «неважно», значит есть кто-то «важный», колись! – потребовала подруга.

Наташа на секунду вскинулась было ответить... И перевела разговор на тему предстоящих экзаменов. Когда ехала в больницу, всё думала об этом «неважном».

Ей было грустно.

Как всегда, всё разложила по полочкам. Бывший муж её

не интересовал абсолютно. Как сложилась судьба у Виталика, она не знала. Сама не интересовалась, а Ирину Максимовну слушать не желала. Виталик женат, вне сомнений. Такой кобель и без хомута?! Так не бывает! А теперь ещё и Антон, тот явно оказывал ей знаки внимания. «Какая-то странная эта Анна Андреевна, – тут же вспомнила Наташа мать Антона. – И сынок, видать, такой же... Ну их всех!»

Вечером посещение больных разрешали с четырёх до семи пополудни. Наташа первым делом встретила с врачом. Тот, уже зная результаты анализов, сообщил, что уровень гемоглобина в крови мальчика низкий, перед операцией требуется дополнительное лечение, чтобы привести состав крови в норму, и проводить его вполне можно амбулаторно. Наташа забрала сына, собираясь вечером возвращаться домой.

Прощаясь с Антоном, Петька попросил:

– Ты будешь приезжать ко мне в гости? Разве не будешь?

– Петя! – недовольно вскрикнула Наташа. – Ну чего ему к тебе приезжать?!

– Потому что он мой друг! Он сам так сказал. Разве не друг?! – обиделся мальчик.

– Друг, – успокоил Петьку Антон. – Когда у меня будут рейсы в вашу сторону, то я обязательно.

«Вот ведь, хватило же им одного дня, чтобы привязаться друг к другу», – недовольно подумала Наташа. И ещё подумала, что ведь, кажется, и вправду понравилась Антону и тот

непрерывно её навестит. Ей это надо? Нет, новые отношения не входили в её планы. Во всяком случае, на этом отрезке жизненного пути. Наташа не понимала Антона: ну нравится женщина, а сына её зачем охмурять? Разве нельзя напором, как обычно действуют мужики? Невольно против нового друга сына она почувствовала раздражение.

Из Приморска в Порт-Стрелок возвращались электричкой. Петька, как сел в вагон, отвернулся от матери и уткнулся в окно. Наташе тоже не хотелось разговаривать. Было намерение подремать, но она не решилась: мало ли чего вычудит сынок?! Через полчаса бороться со сном стало сложно. Веки как будто налились свинцом и сами опускались. Сечкина решила поболтать с Петей:

– Ну и что интересного ты узнал в больнице?

– Отстань! – не поворачивая головы, взвизгнул мальчик. – Разве не видишь, что я скучаю? Разве не видишь?

– Ты как с матерью разговариваешь?! – возмутилась Наташа. – Вот приедем домой, я с тобой...

Закончить она не успела. Вагон дернулся, состав прокатил с десятков-другой метров – словно поезд ухватили за хвост, а потом отпустили, – и мёртво встал. Такие вещи раз от раза случались – молния в шторм вырубала электричество.

Так что вернуться домой в тот день им было не суждено. Подогнав дизельный локомотив, подцепили, состав вернули в Приморск. Наташа наняла такси и направилась на Сана-

торную. Больше было некуда. Вероника в тот же вечер уезжала сдавать госы.

– Проходи, устраивайся! – встретила её Анна Андреевна. – Меня сейчас не трогай! Я злая, как кобра на яйцах! К Антошке я не попала! Там в сумочке есть пирожки. Можете поужинать ими.

– Спасибо, мы сыты! – отказалась Наташа.

– А я голодный! – возмутился Петька. – Разве не голодный? Мы сегодня не ужинали.

– Этот? – Анна Андреевна воткнула свой указующий перст в мальчика.

– А какой ещё? – удивилась Наташа.

– Этот далеко пойдёт! – утвердила Анна Андреевна. – Молодец! Так держать! Но пасаран! Либертэ, эгалитэ, фратерните!

Через минуту-другую Анна Андреевна уже забыла, что она «кобра на яйцах». Накормила Петьку, потом повела его в мастерскую показывать свои работы.

Наташа даже успела подремать. Когда мальчика уложили спать, женщины решили крякнуть по маленькой на сон грядущий.

– Что у вас там произошло? – поинтересовалась Сечкина из вежливости.

– Новый реж у нас, а меня пинком под зад как убогую! – зло вымолвила Анна Андреевна, параллельно с этим засовывая в рот размером с мужскую ладонь пирожок.

– А кто он? – догадалась Наташа, что новый реж – это новый режиссер.

– Кто? – с презрительной миной пропела хозяйка. – Ах, ну конечно! Колхоз «Сорок лет без урожая» из Мухосранска выполнил план по сбору козых катышей – это событие мирового масштаба! А появление нового режа в одном из главных театров края – это так, мелочи! Раньше это было бы новостью номер один! Что с миром делается?! Полное бескультурье! Хотя... ты же из колхоза. Тебе простительно.

– Вас уволили?

– Подчистую! – Анна Андреевна рубанула ладонью воздух словно шашкой. – До смерти!

– Разве так можно? – удивилась Сечкина. – Уволить без оснований...

– Основание у нас одно – творческая необходимость...

Главным в театре – любом – был и остается главный режиссёр. У главрежа обычно несколько режиссёров, с которыми он формирует репертуар. Директор театра занимается хозяйством и в творческие дела не встревает. Директор фактически руководит и мастерской. Но главный художник подчиняется не директору, а главному режиссеру. То, что это фактически нонсенс, никого не волнует. Реально – так.

– Вот берётся реж за новую постановку, – продолжила объяснять Анна Андреевна пьяненькой Сечкиной. – Приглашает нашего главного, который художник, ну, тебе понятно,

да? А главный тебе дурак, что ли? На кой ему конкурентов плодить? Сегодня художник поставил один спектакль, завтра – другой, а послезавтра он уже сам готовый главный. Сечёшь?

– Угу, – кивнула Сечкина.

– Вот! Главный всегда сам постановщик, но он же не ше-стирукий Будда! – Анна Андреевна растопырила руки.

– Шива, – поправила хозяйку Сечкина.

– Будда! – Шутренкова недовольно посмотрела на Наташу.

– Шива! – устало вздохнула Сечкина.

– Неважно! – Анна Андреевна сделала небрежный жест, как будто выметала гостью из кухни. – Так вот! Главный делает какие-то наброски левой ногой, но чтобы на них стояла подпись режа и директора, типа главный выработал идею оформления спектакля. Ну, на этом и всё! А дальше уже обычный художник типа меня или Верки – её уже год как нет, сбежала с хахалем – работают с режиссёром. Мы можем идею полностью изменить, но в афише будет указано имя главного. Так он, сволочь, и жил! Мы же с Веркой – бабы. Чего с нами церемониться? Хоть бы ради приличия нас указал в афише разок. А тут пришёл этот Виталик...

– Виталик? – встрепелась Наташа. – Рукавишников?

– Ну... – Анна Андреевна уставилась на гостью с изумлением. – Рукавишников... А говорит: я из деревни, козы катыши считаю! Ты же молодец! Культурой интересуешься!

А откуда его знаешь?

Наташа тут же и прокололась. Ох, лишней была последняя рюмка...

Всё рассказала, да так быстро и чётко, будто специально речь готовила. Анна Андреевна, трезвее трезвого, подумала и предложила:

– Хочешь, я тебе встречу устрою с ним?

– Он же женат наверняка! – всплеснула руками Сечкина. – Срам будет!

– Жена – не столб, можно и подвинуть. А вдруг он по тебе все эти годы сохнет, как мой дурачок по одной шалаве?

– Ну, не знаю, – замялась Сечкина. – Я – не шалава!

– Это жизнь покажет. Значит, так тому и быть! – Шутренкова стукнула кулаком по столу.

Разошлись по койкам. Наташа отчего-то почувствовала себя легко и спокойно. Она приняла решение, завтра для неё всё должно было проясниться. «Не могу же я всю жизнь провести в таком состоянии?! – подумала засыпая. – Будь что будет!»

Глава 5

Утром Анна Андреевна встала ни свет, ни заря и приготовила обильный завтрак. Наташа, увидев, тяжело вздохнула, а Петька воодушевился:

– Вот это, я понимаю, завтрак! Разве не понимаю? Разве не завтрак?

Шутренкова добилась, чтобы всё ею приготовленное исчезло в желудках гостей, после чего придирчиво оглядела мать с сыном, заставила гостью распустить косу и соорудить причёску, а короткие волосы Петьки распушила массажной расчёской, и этот «ёжик» на голове с кудрявым чубчиком на лбу закрепила лаком для волос.

– Изумительно! – констатировала художница. – Я превзошла сама себя!

«Бедный Антон!» – посочувствовала Наташа. Всю дорогу Анна Андреевна рассказывала Пете о театре. Тот слушал с открытым ртом. Завела Наташу и Петьку в театр через служебный вход. Рукавишников должен был прийти на репетицию к десяти утра.

– Вы пока можете тут побродить, – предложила Шутренкова. – Тут интересно.

Наташа с Петей начали осмотр сверху. В этом театре Сечкина не была ни разу. В детстве их возили в театр имени А.С.Пушкина на дневные спектакли. Наташа ощущала се-

бя как в храме. Её настроение передалось и сыну. Они шли по коридору, рассматривая фотографии артистов театра разных лет. Если под фотографией значилось, что данный артист является заслуженным или народным РСФСР, Наташа, а вслед за ней и Петька, восторженно покачивали головами.

Они побывали на галёрке, на балконах, на антресолях, в буфетах. Когда спустились в фойе, к ним подошла высокая красивая молодая женщина, похожая на Элизабет Тейлор, и поинтересовалась:

– А вы откуда, мамаша?

– Мы ждём Анну Андреевну, – ответила Сечкина.

– А по какому поводу? – удивилась высокая.

– А вы, собственно, кто? – нахмурилась Наташа.

– А я, собственно, администратор театра Рукавишникова

Марина Игоревна...

Услышав фамилию, Наташа схватил сына за руку и вон из театра, как будто её ошпарили. Очнулась только в трамвае, тогда и начала приводить в порядок чувства и заодно мысли. Ну и понятно, и вообще было бы странно, не окажись он женат. Эта Марина – высокая, стройная, миловидная – явно из театральных. Виталик наверняка её любил. Ну ибог с ним! Наташа шла в театр, чтобы разрешить проблему. Она её разрешила.

Да, уж... Ох эти театральные! Стерва на стерве сидит и стервой погоняет. А иным в этой профессии делать нечего.

Про таких, иных, говорят: «Барышня, вы куда? Там – сцена, а вам – замуж!» И чем талантливее артистка, тем стервознее. Большинство стерв и ведут себя как обычные стервы. Но гениальные стервы – это нечто!

Анна Андреевна в детстве мечтала быть продавцом мороженого – чтобы наесться его как говорится от пуза. Стала художницей. Так получилось. Поначалу Аня была просто добросовестной исполнительницей. Потом, когда стала уже Анной Андреевной, когда и Антон подрос, и дела семейные её стали заботить в меньшей степени, ей пришлось искать выход своей неуёмной энергии. Её оказалось много, сверх всякой меры. Попыталась продвинуться по карьерной лестнице, не смогла. Позиции главного художника были незыблемы. Благо, повысила статус с помощника до художника.

Работники закулисья в театральные интрижки вовлечены не были, – весь гадюшник разместился в кругу артистов и режиссёров, – но следили за процессом пожирания ближних и дальних с интересом. Кто же знает, как там обернётся? Набирались, так сказать, чужого опыта. И Анна Андреевна тоже набиралась. Сейчас пришло время реализовать его на практике.

Анна Андреевна вышла от худрука, который ещё вчера всё ей разложил по полочкам. Худрук вёл себя в ситуации с ней весьма разумно, в интересах театра. Её наградили. Более того, её не изгоняли, предложив работать по краткосрочному трудовому договору той же художницей, а может и по-

становщиком, учитывая её опыт. Но Анна Андреевна в театре была давно и знала одну фишку: обратного пути в театр не существует. На твоё место тут же найдётся толпа желающих его занять. И когда вчера вдруг так кстати случился шторм, и Наташа с сыном вернулись к ней переночевать, она решила подключить при необходимости к своей борьбе за место под солнцем Наташу. Главный режиссёр повёл себя скверно с точки зрения Шутренковой. Вот необходимость и возникла. Рукавишников был для Анны Андреевны человеком-невидимкой. То есть, она этого залётного в упор не видела. А кто он собственно такой?

Прошлым летом «горький» театр гастролировал по Прибалтике. Там в это время катал и театр Ленкома. На один день пересеклись в Риге. Ленкомовцы уезжали после последнего спектакля, а «горькие» начинали свой показ искушённой рижской публике. Ленком заканчивал спектаклем, поставленным Рукавишниковым. Разумеется, под руководством маэстро. Кока, как звали за глаза главрежа, имел честь быть представленным Марку Захаркину.

Главный режиссёр «горьких» был мужиком статным и симпатичным. Женщины млели от его томного взгляда. В театральных кругах Коку считали человеком небесталанным, но и не гением. Когда Кока стал рассыпаться перед Захаркиным комплиментами, тот отнёсся к словоблудию провинциального коллеги довольно индифферентно. Но всё же

снизошел.

– У меня парень, чей спектакль вы сегодня лицезрели, из ваших мест, – сообщил Захаркин.

Кока сориентировался мгновенно. Тут же встретились с Виталиком, разговорились и главреж «горьких» предложил Виталику переехать в Приморск. Золотые горы посулил, как в таких случаях водится. Да и то сказать, театру нужна была новая кровь. «Пушистые» вдруг зашевелились, поставили «Декамерона». «Горькие» обязаны были ответить. При этом, если не случится адекватного в творческом смысле выстрела, чтобы обязательно в яблочко, Кока не желал аутодафе – ни реального в смысле нахлобучки от обкома, ни фигурального – от журналистов и зрителей. Ему нужно было некое подставное лицо, на которое бы он в случае обструкции мог перевести стрелки. Впрочем, надежд особых Кока не питал, много вы знаете выпускников столичных театральных учебных заведений, готовых ехать к чёрту на куличики ради творчества?

Неожиданно для Коки Виталик согласился. Но с условием. Жена Виталика была из балетных. Всё в ней было хорошо, кроме размера груди и роста. Когда девица оформилась, эти подробности её телосложения перекрыли ей вход в мир профи. Марина согласна была и на прозябание в кордебалете, но и в кордебалете она была не нужна. «Сисястая каланча», как её охарактеризовал главный балетмейстер Большого, была не нужна ни в Москве, ни в Ленинграде. А потом ни

в Перми, ни в Самарканде, ни в Свердловске. Балериной – нигде.

Кока, узнав обстоятельства, тут же пообещал пробить для жены Рукавишникова должность хореографа. Это всё и решило.

В Приморске её для начала приняли администратором. Правда, пришлось произвести изменение в штатном расписании театра. Количество администраторов увеличили, а число художников сократили. Маша была молодым специалистом, в театр пришла по кадровой заявке театра, уволить ее было нельзя. Убрали Анну Андреевну, туманно намекнув на некие перспективы в скором будущем. Но вышло очень уж туманно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.